

"Звезда" Сказочного Таро

Фея Утренней Зари

Румынская сказка

То, о чем я сейчас расскажу, и вправду случилось на земле в стародавние времена. А не случилось оно - то не было бы и моего рассказа.

Жил как-то на свете великий и могущественный император, и под рукой его собралось столько земель, что никто и не знал, где они начинаются, а где заканчиваются. Но если никто из живущих не знал пределов его царства, то не было на свете человека, который не ведал бы, что правый глаз императора всегда смеется, а из левого непрестанно катятся слезы. Некоторые придворные даже набирались храбрости спросить императора об этой его странности, но тот ничего не отвечал им: вражда между его правым и левым глазом оставалась тайной, и император хранил ее.

У императора подрастали сыновья. И боже мой, что это были за сыновья! Все три - как ясные утренние звезды в небе. Флориан, самый старший, был настолько высок и широкоплеч, что во всей империи не сыскалось бы ему равных. Костан, второй сын, был совсем другим. Он был мал ростом, жилист, и у него были необыкновенно сильные руки. Петру, младший сын, был высок и строен, и больше походил обликом на девицу, нежели на мужчину. Он мало говорил, но любил смеяться и петь, петь и смеяться, с самого утра и до поздней ночи. Он редко бывал серьезным, но если такое случалось, то он умудрялся выглядеть достаточно серьезным и мудрым, и даже принимал участие в имперском совете вместе с отцом.

"Ты уже совсем взрослый, Флориан", сказал как-то Петру своему брату. "Сходи и спроси отца, отчего же один его глаз всегда смеется, а другой всегда плачет".

Но Флориан не захотел идти, он знал, что император всегда сильно гневается, если задать ему этот вопрос.

Тогда Петру пошел к Костану, но тот тоже не захотел идти к отцу с вопросом.

"Ну ладно. Если вы все боитесь идти, я и сам схожу", вымолвил Петру. Сказано - сделано; младший сын напрямик отправился в покои отца и задал ему вопрос.

"Да чтоб ты ослеп!", закричал император. "Тебе-то что за дело до моих глаз?", и надрал Петру уши. Петру возвратился к братьям и все им рассказал, но с этого момента стал примечать, что левый глаз отца вроде бы стал плакать поменьше, а правый - смеяться побольше.

"Интересно", подумал тогда Петру, "связано ли это как-нибудь с моим вопросом? Была не была, попробую спросить отца еще раз. Не переломлюсь же я от двух батюшкиных затрещин".

И он еще раз пошел к отцу, и опять задал тот же вопрос, и отец опять надрал ему уши и выгнал, но с этого момента левый глаз императора плакал только изредка, а правый стал выглядеть на десять лет моложе.

"Я угадал", думал Петру. "Но теперь я знаю, что делать. Буду задавать отцу этот вопрос и получать оплеухи до тех пор, пока оба его глаза не засмеются".

Сказано - сделано. Петру всегда делал то, что решил сделать.

В конце-концов император сказал:

"Петру, любезный сын мой!", и оба его глаза смеялись. "Я вижу, ты уже многое обо мне понял. Что же, я расскажу тебе о тайне моих глаз. Мой правый глаз смеется и радуется, когда я вижу вас, трех моих сыновей, три сильных стройных дуба, что выросли от моего корня. Но мой левый глаз плачет, потому что я не знаю, сумеете ли вы удержать и сохранить мою империю после моей смерти, и сможете ли защитить земли, что достанутся вам во владения. Однако есть способ помочь мне: если вы, сыновья мои, принесете мне воду из источника Феи Утренней Зари, то я омою ею мои глаза, и уйдут тревоги, и оба моих глаза будут смеяться".

Так сказал император, и Петру пошел к своим братьям.

Они посоветовались, и решили, что надо отправляться в путь и добыть для отца воду того чудесного источника.

Флориан, как самый старший, отправился в конюшню и выбрал самого лучшего, великолепного жеребца, оседлал его, взял с собой припасов на дорогу, и, обняв на прощание братьев, отправился в путь.

"Я ухажу первым", сказал он своим братьям. "Но если я не вернусь ровно через один год, один месяц, одну неделю, один день и один час спустя с водой из источника Феи Утренней Зари, то ты, Костан, должен отправиться в путь и тоже попытать счастье". Так он сказал и выехал за ворота дворца.

Три дня и три ночи скакал Флориан, не касаясь поводьев своего коня и не сдерживая его. Как крылатый дух летел он над долинами и горами, над реками и полями, над лесами и озерами, пока не достиг Флориан границ империи своего отца. Вдоль границы шел ров, такой широкий и глубокий, что не было никакой возможности перебраться через него, и через него вел один только мост. Въехал он на мост, но не удержался, и развернул коня, чтобы еще раз кинуть взгляд на родную сторону. Но когда вновь обернулся к дальним неведомым землям, дорогу ему заступил дракон, и облик его был ужасен. Три головы были обращены к Флориану, и пасти всех трех кошмарных морд были широко распахнуты - верхние челюсти затмевали небо, а нижние касались земли.

Флориан так испугался страшного дракона, что побыстрее прищипорил коня и умчался куда глаза глядят - только бы подальше от чудища. Дракон же вздохнул, закрыл свои страшные пасти и исчез - и следа не осталось, и травинки не примялось.

Прошла неделя, но Флориан не возвращался домой. Прошло и две, и не было от него никаких вестей. Через месяц Костан стал часто захаживать в конюшни и присматривать себе сильного коня. И вот минул год, и месяц, и неделя, и день и час, и Костан оседлал себе крепкого и быстрого жеребца, обнял младшего брата и попрощался с ним.

"Если и я потерплю неудачу, то ты тоже, брат мой, жди год, и месяц, и неделю, и день, и час, и отправляйся на поиски", - сказал Костан и поехал по той же дороге, что и Флориан.

Дракон сидел все там же, и у него уже было пять голов, и головы эти были еще ужаснее, чем раньше, и Костан тоже убоялся, и ускакал от моста даже еще быстрее, чем его брат. И не было никаких вестей, ни от Флориана, ни от Костана, и Петру остался один.

"Я должен последовать за моими братьями, отец", сказал он однажды императору.

"Если ты считаешь, что должен - иди", ответил ему отец. "И может статься, что ты сможешь то, что не смогли они". И он простился с Петру, а Петру оседлал коня и поехал к границам империи.

Дракон на мосту стал еще кошмарнее, чем прежде, и было у него уже семь голов, одна страшнее другой.

Петру на миг придержал коня, когда увидел чудовище на мосту, но все же он собрался с духом, подъехал поближе, и крикнул дракону: "Прочь с дороги!", но дракон не шелохнулся. Тогда Петру крикнул в другой раз: "Прочь с дороги!", но дракон не двинулся. И Петру, еще раз крикнув: "Прочь с дороги!", потянул из ножен свой меч и бросился на дракона. И тогда свет небес будто померк вокруг него, и Петру оказался окружен огнем: огонь был и справа от него, огонь был и слева, и впереди полыхало пламя, и за спиной бушевал огонь, и Петру ничего не видел, кроме огня, который изрыгал семиглавый дракон. Конь под Петру визжал и пятился, крутился на месте и шархался, и Петру все никак не мог использовать свой меч.

"Тише ты! Будь смелее, и минует все беды", - сказал ему Петру и сильнее натянул поводья, и крепче сжал меч, конь пошел ровнее, но все равно шархался от каждого языка пламени, а вокруг и было-то только, что дым и огонь.

"Нет с такого коня проку. Вернусь-ка я во дворец и поищу себе лошадь получше", - сказал Петру и повернул к дому.

У ворот встретила его нянюшка, старая Бирша, что с нетерпением ждала, когда он подъедет поближе.

"Ах, Петру, сыночек мой! Так я и думала, что ты вернешься", воскликнула она, "Как же ты мог поехать на такой кляче!"

"Что же мне делать, нянюшка? Это лучший конь наших конюшен!", спросил Петру и сердито, и печально.

"Послушай меня, мальчик мой", ответила старая Бирша. "Ты никогда в жизни не доберешься до Феи Утренней Зари, если не возьмешь того самого коня, на котором в молодости ездил туда твой отец-император. Сходи к нему, да спроси, где сейчас тот конь, потом сам оседлай его и отправляйся в путь".

Петру сердечно поблагодарил старую нянюшку, и пошел к отцу.

"Сын мой драгоценный!", воскликнул отец-император, когда Петру спросил его о коне. "Кто тебе рассказал о моем жеребце? Не иначе, старая ведьма Бриша! Ты сам подумай, уж полвека прошло с тех пор, как ходил я в походы, и кто теперь помнит, где тлеют кости моего верного коня, в какой комнате рассыпались в прах его узда и седло? Я уж и забыл о нем давно!"

Петру очень рассердился и вернулся к нянюшке.

"Не печалься, Петру", сказала с улыбкой Бриша. "Даже если все так, как сказал твой отец, не все потеряно. Сходи-ка да поищи ту самую сбрую, и принеси мне, в каком бы виде это сейчас не было, и я подумаю, что тут можно сделать".

Петру отправился на поиски, и нашел комнату, набитую седлами, стремянами, подпругами, попонами и уздечками. Он выбрал самую старую из них, черную, рассохшуюся и почти рассыпающуюся и принес старухе. Бриша побормотала что-то над ней, попрыскала водой и окурила травами и опять отдала ее Петру.

"Возьми-ка ее, и пойдя к крыльцу, и стегни той уздой по столбам, что держат крышу твоего дома и увидишь, что будет".

Петру взял узду и сделал все, что сказала ему старая нянька, и как же велико было его удивление, когда перед ним появился гнедой конь. О, такого великолепного коня во всем мире не сыскать! Седло на нем было все в золоте и камнях, а чеканная уздечка была так хороша, что глаз не оторвать. Добрый конь, доброе седло и добрая узда - все как раз для молодого героя.

"Прыгай скорей ему на спину", сказала Бриша и пошла обратно к дому.

Через миг Петру уже сидел в седле, и держал поводья, и чувствовал себя сильнее и храбрее, чем прежде.

"Держись крепко, господин мой", сказал гнедой конь, "Нам предстоит долгий путь, а времени у нас не так уж и много. Я поскачу быстро, а ты знай держись".

И конь поскакал, а Петру увидел, что никогда не было на свете коня такого быстрого и проворного.

На мосту по-прежнему стоял страшный дракон, но уже не тот, с которым Петру пробовал драться раньше. У этого дракона была дюжина голов, одна страшней другой, и все выдыхали пламя, дым и искры. Но, хоть он и был ужасен, Петру не испугался. Он только закатал рукава и крикнул дракону: "Прочь с дороги!", но тот не пошевелился, и тогда он выхватил из ножен меч и изготовился скакать к мосту.

"Погоди, молодой господин", сказал конь. "Послушай, что я скажу тебе. Ты прищепи меня сильнее, и держи наготове свой меч. Я скакну, да выше моста, и выше дракона, и как будем над зверем, руби ему самую большую голову, и оботри свой меч от крови, и вложи его в ножны прежде, чем мы коснемся земли.

Так Петру и сделал, и успел вложить меч в ножны прежде, чем копыта гнедого коня коснулись земли по ту сторону моста.

Петру кинул прощальный взгляд на родные земли и сказал: "Надо нам идти дальше".

"Да, вперед", сказал конь. "Но ты, мой господин, должен сначала сказать мне, с какой скоростью ты хочешь ехать? Быстро как ветер? Быстро, как мысль? Быстро как желание? Или, возможно, быстро, как проклятие?"

Петру смотрел вокруг: в чистом небе не было ни облачка, а перед ним расстиралась пустыня, такая сухая и ужасная, что у Петру волосы вставали дыбом.

"Мы поедем не очень медленно, чтобы не терять зря времени, и не очень быстро, чтобы ты не устал", ответил он коню.

Вот они и поехали: сначала конь летел как ветер, потом как мысль, потом как желание, а под конец - как проклятие, и скакали они, пока не достигли края пустыни.

"Теперь беги потише, чтобы я мог видеть то, что вокруг меня", - сказал Петру, протирая глаза будто только что проснулся... или будто увидел что-то настолько необычное, что думается, что глаза начали лгать. Вокруг Петру высился Медный Лес, и все тут было из меди: деревья блистали медной корой и на них блестели медные листики, под деревьями росли медные кустарники, усыпанные медными ягодами, медные травы и мхи покрывали корни деревьев, и там и сям можно было увидеть медные цветы.

Петру смотрел во все глаза, потому что он видел то, чего никогда не видел и даже не слышал ни о чем подобном. И они двинулись прямо через лес, и пока ехали, цветы заговорили с Петру, и говорили, какой он славный да пригожий, и все предлагали, чтобы Петру сорвал их и сделал себе венок.

"Возьми меня, удалец, я прибавляю сил тому, кто меня сорвал!"

"Нет, возьми лучше меня! Кто сорвет меня да приколет к шапке, того все девушки в мире любить будут", умолял второй цветок.

И так продолжалось и продолжалось, каждый следующий цветок был краше предыдущего, и все они тихими нежными голосами обещали разные замечательные вещи и уговаривали Петру, чтобы он сорвал их.

Петру слушал-слушал, да и наклонился сорвать цветок, но как только он сделал это, его конь отпрыгнул к другой стороне дороги.

"Стой спокойно!", прикрикнул Петру.

"Не рви цветов, молодой хозяин. Они принесут тебе несчастья", ответил конь.

"С чего это ты так думаешь?"

"Все эти цветы прокляты. Кто тронет любой из них, будет вынужден драться с черной лесной выльвой.

"Кто такая эта выльва?"

"Лучше бы про нее вообще не говорить! Глядите на цветы, молодой господин, слушайте их слова, но умоляю, не прикасайтесь ни к одному из них!"

Петру уже знал, что его конь дурного не посоветует, поэтому он крепился, смотрел на цветы и не трогал их.

Но все тщетно! Если суждено быть на пути неудаче, то она обязательно встретится. Цветы все шептали и шептали, и сердце Петру таяло, как комок воска на солнцепеке.

"Будь что будет", сказал он себе в конце-концов. "Хоть погляжу, что это за выльва такая, а может быть даже и одолею ее в схватке. Ну а не одолею - значит, так тому и быть", и он наклонился и сорвал цветок.

"Эх, молодой господин, зачем же вы это сделали? Теперь даже я не смогу помочь. Приготовься к битве, вон идет выльва".

Только он сказал это, только Петру закончил плести свой венок, как вдруг со всех сторон сразу подул легкий ветерок, который быстро превратился в ветер, после в бурю, и продолжал усиливаться, пока все кругом не потемнело, и темнота не покрыла коня и всадника, как толстым плащом из овечьей шерсти. Земля под ногами тряслась и дрожала.

"Страшно ли вам, молодой господин?"

"Пока нет", ответил Петру, хотя весь трясся от ужаса. "Да и чему быть - того не миновать".

"Не бойся. Помогу я тебе", сказал конь. "Сними с меня уздечку, и попытайся накинуть ее на выльву".

Едва вымолвил он это, как тот же час появилась перед Петру выльва, и он не успел снять с коня уздечку. Выльва была настолько ужасна, что Петру взгляда не мог от нее оторвать. У выльвы не было головы, и в то же время она не была безголовой. Она не летела по воздуху, но и не шла по земле. У нее была лошадиная грива, оленьи рога, медвежья морда, куньи глаза, а тело ее чем-то походило на каждого из этих зверей. Это-то и была выльва.

Петру схватился за меч и спрыгнул с коня. Стали они с выльвой биться не на жизнь, а на смерть, и минули день и ночь, и стала выльва задыхаться.

"Дай роздыху и себе, и мне", взмолилась выльва.

Петру остановился и опустил меч.

"Ты, молодой господин, не должен давать ей роздыху", сказал конь, и Петру собрал все свои силы и снова поднял меч и ударил так сильно, как еще не бил. Выльва заржала лошадьё, завывала волком, заревела медведем и зашипела змеей, и кинулась на Петру. И бились они еще день и еще ночь, еще яростнее и неистовее, чем раньше. И Петру настолько устал, что едва шевелил руками.

"Дай роздыху себе и мне", закричала опять выльва. "Я же вижу, что ты тоже устал"

"Ты не должен останавливаться, молодой господин", снова сказал конь.

И Петру продолжил битву, хотя силы покидали его. Но и выльва уже не била его, а только защищалась, потому что не было у нее сил. И боролись они еще день и еще ночь, и когда восточный край неба окрасился алым, Петру исхитрился - уж я не знаю, как - набросить все-таки уздечку на голову выльве. И миг спустя выльва пропала - вместо нее по поляне скакала самая красивая кобыла в мире.

"Да будет жизнь твоя сладкой, как мед! Ты снял с меня страшное проклятие", сказал она и начала тереться носом о плечо гнедого жеребца Петру. И гнедой рассказал Петру всю историю белой кобылы, о том, как сотни лет назад она была проклята и заколдована, и была вынуждена жить в этом лесу в страшном обличье.

Петру привязал вылву, которая стала кобылой, к своему седлу, и они поехали дальше. Долго ли, коротко ли, но выехали они из медного леса.

"Погоди, дай мне полюбоваться - я никогда не видел такой красоты!", снова сказал Петру своему коню. Перед ними высился серебряный лес, и был он куда прекраснее медного, и он был полон звенящих на ветру деревьев и прекрасных серебряных трав, серебряных кустарников и серебряных цветов.

И так же как раньше, цветы стали уговаривать Петру сорвать их.

"Не рви этих цветов!", предостерегла вылва, подбежав к нему поближе. "Сестрица моя всемеро сильнее меня!". Но хотя Петру знал на собственном опыте, что ничего хорошего не выйдет, он все же улучил момент и нарвал цветов, чтобы сплести себе венок.

Ветер завыл громче прежнего, земля тряслась еще яростнее, и ночь окутала Петру еще более темная и непроницаемая. И тот же час появилась вылва серебряного леса. Бились они три дня и три ночи, пока Петру не исхитрился и не набросил уздечку на голову второй вылве.

"Будь жизнь твоя сладка, как мед! Ты снял с меня страшное заклятие", сказала вылва, превратившаяся в прекрасную серебряную кобылу.

Передохнули они, и отправились дальше все вместе.

Но вскоре выехали они из Серебряного леса, и встал перед ними Золотой лес - выше и прекраснее, чем те два леса, что Петру уже видел. Блеск коры здешних деревьев соперничал с солнечным светом, листья нежно звенели на ветру, а цветы и травы были столь прелестны, что глаз нельзя было оторвать.

Кони уговаривали Петру поскорее пройти через золотой лес и просили не рвать цветов, но тот все же не удержался, и сплел себе золотой венок. Но как только одел его, почувствовал, что приближается к нему прямо из-под земли что-то страшное и ужасное. Вытащил Петру меч и стал ждать.

"Либо помру, либо накинута и не третью вылву уздечку", подумал он.

Едва подумал это, как завертелся вокруг него туман, плотный как вата, и ничего не было видно на расстоянии вытянутой руки, и не долетало до Петру ни звука. Целый день и целую ночь бился Петру вслепую, и ни разу не смог углядеть вылву в тумане. Но вот минула ночь, и туман стал светлее. Когда солнце поднялось над золотым лесом, туман совсем рассеялся, и было так хорошо, красиво и тепло, что Петру показалось, что он заново родился.

А где же вылва? Пропала.

"Ты лучше отдыхай, молодой господин, пока есть время. Потому что битва скоро продолжится", сказали кони.

"С кем же я дрался?"

"Это была вылва, которая умеет превращаться в туман. Тише! Она возвращается!"

Петру только-только успел перевести дыхание, как почувствовал, что что-то приближается к нему - но он не мог сказать, что это. Это было похоже на реку - но в то же время не было рекой, оно не текло по земле, но двигалось где и как хотело, но не оставляло позади себя ни следа, ни примятой травинки.

"Горе мне, горе!", вскричал Петру, который наконец понял, с чем ему предстоит драться.

"Будь осторожен и ни секунды не стой на месте", сказал ему гнедой конь, но большего сказать не успел, потому что вода подступила совсем близко.

Битва закипела с новой силой. День и ночь дрались Петру и вылва, и Петру даже не представлял, попадает ли он по вылве, смог ли ранить ее хоть раз. К рассвету следующего дня Петру охромел на обе ноги и очень устал. Но первые лучи солнца отогнали вылву, и Петру повалился на траву.

"Теперь она точно убьет меня", сказал он.

"Передохни. Ты не должен сдаваться, она вернется всего лишь через мгновение"

Не успел Петру ответить, как понял, что ему снова пора подниматься и драться. Он взобрался в седло, сжал рукоять меча и стал ждать.

И что-то стало подступать к нему, но нельзя описать, что это было. Иногда во сне люди видят существ, который на свете не существуешь, но у тех существ есть то, чего не было у этой вылвы, и нет того, что у вылвы есть. По крайней мере именно так подумал Петру, глядя на подбирающуюся к нему вылву. Она летела при помощи ног и бежала на крыльях, голова у нее была на спине, хвост на боку, а глаза - везде: и на шее, и на груди, и на животе, а как описать ее дальше - я не знаю.

Петру почувствовал, что ужас сковывает его движения, но он собрался с духом и стал бороться с вылвой, и дрался так, как никогда в жизни. Но день все не кончался, и стал Петру слабеть. А когда упала ночная тьма, он едва мог держать глаза открытыми. К полуночи он обнаружил, что сражается не верхом, а пешим, хотя не мог вспомнить, когда это он слез с коня. Когда на востоке забрезжил свет, ноги его уже не держали, но он сражался, стоя на коленях.

"Тебе надо биться еще один раз", сказали кони, видя, что сила Петру почти ушла.

Петру смахнул пот со лба своей рукавицей, и с огромным трудом поднялся на ноги.

"Когда будешь драться, изловчись, и ударь вылву по губам уздечкой", сказала серебряная кобыла.

Вылва завывала так громко, что Петру подумал, что останется глухим на всю жизнь. Она кинулась на него, но Петру увернулся, и, изловчившись, накинул ей на голову уздечку - по лесу поскакала прекрасная золотая кобылица.

"Да будет твоя жена красивейшей из женщин!", сказала она. "Ты расколдовал меня!"

Потом они все немного передохнули и поскакали через золотой лес.

По дороге Петру разглядывал короны-венки, что он для себя сделал - насколько они красивые и насколько дорогие.

"В конце концов", подумал он, "не стану же я носить все три сразу" и выбросил сначала медный венок, а потом и серебряный.

Но кони закричали:

"Не выбрасывай эти венки, они тебе еще пригодятся. Пойди собери их и возьми с собой!"

Ничего не поделаешь - Петру слез с гнедого и подобрал все венки, и после этого они продолжили путь.

Вечером, когда солнце почти зашло, а злые мошки стали преобладающе кусаться, Петру увидел, что Золотой Лес остался позади, а перед ним расстилается широкая пустошь. В тот же миг все лошади разом остановились.

"Что с вами такое?", спросил Петру.

"Мы чуем, что что-то злое нас ожидает".

"Что же это может быть?"

"Мы вот-вот войдем во владения богини Середы, и чем дальше мы будем ехать, тем холоднее будет становиться. Справа и слева ты увидишь огромные костры, но ты не должен приближаться к ним, чтобы согреться, иначе будет беда"

"Как же мне там не замерзнуть?"

"Не знаем, но помни, что будет большая беда, если приблизишься к огню"

"Хорошо, едем вперед! Если я должен перенести холод, то я перенесу его".

И вот, шаг за шагом они входили во владения Середы. Воздух становился все холоднее и холоднее, и ветер пробирал до костей, и казалось, что они промерзли насквозь, до самого мозга костей, и что даже души их дрожат от холода. Но Петру не боялся, борьба с вылами сделала его сильнее и выносливее, и он смело встречал новое испытание.

По сторонам от дороги горели огромные костры, и какие-то люди стояли вокруг них, поддерживали огонь. Иногда они приветливо заговаривали с Петру и приглашали его погреться у огня. Дыхание замерзло у него во рту, но он не слушал этих людей, и только понукал коней идти быстрее.

Как долго шел Петру через эту ледяную страну - неведомо, ясно только что земли Середы за день не пройти. Но он продолжал бороться с холодом, хоть у него уже зуб на зуб не попадал, ресницы смерзлись, а вокруг, куда ни глянь, были только заледенелые скалы.

Долго ли, коротко ли, но добрались они до дома самой Середы, и, спрыгнув с коня, Петру бросил поводья и вошел внутрь.

"Здравствовать тебе, матушка!", сказал он.

"И ты не болей, мой замерзший гость!"

Петру засмеялся, и стал ждать, пока она заговорит.

"Ты проявил великую отвагу и стойкость", сказала она, похлопав его по плечу. "И заслужил награду". Она открыла большой железный сундук и достала оттуда маленькую коробочку.

"Погляди", сказала Середка. "Эта коробочка лежала тут веками в ожидании человека, который сможет пройти мое ледяное королевство. Возьми ее, и храни как зеницу ока - в один из дней она поможет тебе.

Если ты откроешь ее, она расскажет тебе все, что ты захочешь, и принесет тебе новости из родного дома"

Петру сердечно поблагодарил ее, вскочил на коня и поскакал дальше.

Когда он отъехал подальше от хижины, он открыл коробочку.

"Что прикажешь, хозяин?", донесся оттуда голос.

"Расскажи мне, что поделявает мой отец?"

"Он заседает на совете со своими приближенными", ответила коробочка.

"Все ли у него хорошо?"

"Не особенно. Сейчас он в сильнейшей ярости"

"Что же его так разозлило?"

"Твои братья, Флориан и Костан", ответила коробочка. "Похоже, что они хотят, чтобы отец позволил им управлять империей, но старые советники и сам твой отец считают, что у них нет к этому таланта".

"Поспешите, дорогие кони мои. У нас совсем мало времени!", закричал Петру, закрыл коробочку и спрятал ее в карман.

Кони полетели, как крылатые призраки, как вихри, как вампиры, что охотятся в ночи, и трудно сказать, как долго они скакали так быстро.

"Погоди, молодой господин! Мы хотим кое что тебе сказать!" сказали как-то кони.

"Что там еще?"

"Ты перенес дикий холод, когда ехал через владения богини Середы. Но впереди лежит земля настолько жаркая, что камни плавятся. Не утрашишься же и теперь, будь так же храбр и стоек, как и в тот час, когда мы вступили в ледяные пустоши. Только кто бы не приглашал тебя в тень или к прохладным ручьям - ни в коем случае не соглашайся, иначе великое зло случится с тобой.

"Вперед!", сказал Петру. "Не волнуйтесь! Если я так и не превратился в ледышку, то вряд ли теперь растаю"

"Мы не знаем наверняка", ответили кони. "Но там, куда мы идем, очень и очень жарко. Впереди - владения богини Громини, Четвергушки".

Вот уж там была жара так жара! Даже железные подковы на копытах лошадей начинали плавиться, но Петру упрямо шел вперед. Пот катился по его лицу, но Петру утирался рукавицей, а рукавица сразу же высыхала на солнце. Он никогда не думал, что под небесами есть настолько жаркие места.

По обе стороны от дороги то и дело встречались тенистые долины, полные высоких, раскидистых деревьев, оазисы, где источники били в небо, разбрасывая во все стороны ледяные брызги. Прелестные девы выходили из-за деревьев, и манили Петру, и звали его передохнуть нежными голосами, но Петру только отворачивался, чтобы не поддаться их чарам.

"Приди к нам, юный герой, и передохни немного, иначе жара убьет тебя", говорили они.

Петру только тряс головой и не говорил ни слова, потому что рот его пересох настолько, что он не мог больше говорить.

Долгим был путь через эту ужасную страну, но насколько долгим - никто вам не скажет. Внезапно всем показалось, что жара понемногу спадает, и Петру заметил маленький домик, стоящий на холме. Это было жилище богини Четвергушки. Когда они подъехали поближе, богиня сама вышла встретить их.

Она поприветствовала Петру и ласково пригласила его зайти в дом, и упростила его рассказать о приключениях, что довелось ему пережить. Петру все рассказал без утайки, и начал прощаться с Четвергушкой, потому что у него оставалось все меньше и меньше времени.

"Задержись еще ненадолго, и выслушай, что я тебе скажу. Скоро ты войдешь во владения богини Винери, Пятнички. Передай ей от меня весточку, что я прошу не задерживать тебя на пути. А когда будешь возвращаться, загляни ко мне в гости - я дам тебе вещицу, что поможет тебе на пути домой"

Петру поблагодарил ее, вскочил на коня и не успел и десятка шагов проехать, как оказался совсем в другой стране. Тут не было ни жарко, ни холодно, а дорога вилась через пустошь, поросшую чертополохом и вереском.

"Что это за место?", спросил Петру, когда они одолели длинный-длинный путь через чертополоховую пустошь.

"Это - дом богини Винери, Пятнички", ответили кони. "И если мы поспешим, то попадем туда еще засветло". И кони полетели вперед, как стрелы, и перед самыми сумерками они достигли жилища богини.

Сердце Петру сильно стучало, потому что всю дорогу их сопровождала целая толпа каких-то темных неясных фигур, будто сотканных из полуденных теней, которые танцевали и водили хороводы, и Петру, хоть и был храбрым юношей, испытывал от их безмолвных танцев настоящий ужас.

"Они не причинят тебе зла", сказали лошади. "Это просто дочери Вихря, они так развлекают сами себя в ожидании лунного великана"

Петру остановился перед домом, спрыгнул с коня и собирался уж было войти, как гнедой конь крикнул:

"Подожди, молодой господин! Ты не можешь так просто войти, дом Пятнички всегда охраняет Вихрь!"

"И что же мне делать?"

"Возьми медный венок и иди вон на тот дальний холм. Как поднимешься на самую вершину, скажи: "Ах, тут такие прекрасные девицы, прямо ангелицы, просто феи!" Потом подними венок повыше над головой и еще скажи: "Хотел бы я знать, примет ли хоть одна из них от меня этот венок в подарок... Как бы я хотел это знать!" и тогда бросай венок от себя подальше"

"И зачем я должен все это делать?"

"Не спрашивай, лучше пойд и сделай, что я тебе сказал", и Петру пошел на холм.

И только он отбросил от себя медный венок, как Вихрь подхватил его и порвал на мелкие медные кусочки.

Петру вернулся к лошадям.

"Послушай, молодой господин, я хочу тебе еще кое-что рассказать. Возьми серебряный венок, подойди к дому, и постучи венком в окошко. Пятничка спросит, что там, а ты ей отвечай, что ты путник, шел пешком через пустошь и заблудился. Она тебе скажет идти по дороге назад, но ты не сходи с места, и только говори, что никуда не пойдешь, потому что с самого детства ты только и слышал, что легенды о несравненной красоте богини Винери, Пятнички, и тогда ты сделал себе кожаные сапоги на стальных подошвах и девять лет и девять месяцев ты ходил по горам и долам в поисках ее дома. Расскажи, что в страшной битве ты добыл прекрасный серебряный венок, и только и думал о том, что тебе будет позволено подарить его несравненной богине, и все это только для того, чтобы достигнуть того места, где стоишь сейчас. Скажи так, и погляди, что будет"

Петру не говоря ни слова пошел к дому.

К тому времени уже стемнело, и двор освещал только лучик света, падающий из окна. Пара псов, что стерегла двор, при звуке его шагов начала лаять.

"На кого это лают собаки? Неужто кому-то жить надоело?" спросила Пятничка из дому.

"Это я, о богиня!, ответил Петру. "Я заблудился на пустоши, и не знаю, где мне переночевать."

"Где ты оставил свою лошадь?", спросила богиня резко, а Петру молчал, потому что не знал, можно ли ему лгать или нет. "Уходи отсюда, юноша, нет у меня для тебя места", и богиня стала закрывать окно.

Тогда Петру торопливо проговорил все, что ему сказал его конь, и как только он сделал это, как богиня открыла окно и нежным голосом спросила: "Дай-ка мне взглянуть на этот веночек, дитя мое", и Петру подал ей его.

"Войди в дом", сказала богиня. "Собак не бойся, они не тронут тебя".

И когда Петру проходил мимо них, собаки действительно только виляли хвостами.

"Доброго вечера", сказал Петру, входя в дом и присаживаясь около огня и слушая, о чем же будет говорить богиня. Богиня, впрочем, говорила только о мужчинах, на которых, похоже, была за что-то сердита. Но Петру во всем соглашался с ней, поскольку его учили, что нужно быть вежливым.

Богиня была очень и очень старой. Петру глядел на нее и думал, что если бы он прожил семь жизней, и каждая жизнь в семь раз длиннее обычной, то она все равно оказалась бы старше.

Но Пятничка радовалась, что юноша неотрывно глядит на нее.

"Когда я родилась", сказала она, "Еще ничего не было, только хаос. И мир еще не был миром. Когда я выросла, уже возник мир, и каждый думал, что я самая красивая девушка на свете, хотя многие и ненавидели меня за это. Но каждая сотня лет прибавляла мне по одной морщинке. И теперь я совсем старуха..."

Она рассказывала и дальше, и тогда Петру узнал, что она жила в царском дворце, а ее самой близкой соседкой была Фея Утренней Зари, с которой они в свое время сильно поссорились.

Петру не знал, что ей сказать. Он слушал, и только иногда из вежливости говорил что-то вроде: "Да-да, это, наверное, было так ужасно!" или "Надо же, какое горе!".

"Дам я тебе одно задание, и если ты храбр и силен, то ты его сможешь исполнить", сказала наконец Пятничка, после того как они уже поговорили долго-предолго, и оба стали клевать носами. "Недалеко от дома Феи Утренней Зари есть источник, и кто отопьет из него хоть глоток, тот снова станет юным и цветущим, как свежая роза. Принеси мне пузырек этой воды, и я отблагодарю тебя. Это будет нелегко, никто не знает этого лучше меня! Королевство Феи Утренней Зари стерегут дикие звери и ужасающие драконы, но я дам тебе одну вещь, что поможет тебе на твоём пути"

С этими словами Пятничка подошла к железному ларцу и достала из него крошечную золотую дудочку.

"Видишь? Один старик дал мне ее, когда я еще была молода и красива. Любой, кто слушает эту дудочку, засыпает и никто не может разбудить его. Возьми ее, и играй все время, пока ты будешь в королевстве Феи Утренней Зари, и ты будешь в безопасности."

Петру сказал ей, что тоже собирался найти этот волшебный источник, и Пятничка даже обрадовалась, когда услышала его рассказ. Тогда Петру пожелал ей доброй ночи, спрятал флейту, и устроился на полу, чтобы немного поспать. Но еще до рассвета он проснулся, и пошел почистить и покормить лошадей, чтобы они выдержали путь до королевства Феи. Потом он напоил их ключевой водой, оделся, и собрался ехать.

"Погоди!", крикнула ему из окна Пятничка. "Я хочу тебе еще кое-что сказать. Оставь здесь одну из своих лошадей, а с собой возьми только трех. Поезжайте медленно, пока не достигнете волшебного королевства, а потом ты должен спешиться и идти пешком, а кони пусть ждут тебя. И вот еще: опасайся заглядывать Фее Утренней Зари в лицо! Ее глаза околдуют тебя, ее взгляды - обманут. На самом деле она отвратительна, более отвратительна, чем ты даже можешь себе представить: у нее совы глаза, лисья морда и кошачьи когти. Слышишь? Никогда не смотри ей в лицо!"

Петру поблагодарил ее и поехал к волшебному королевству.

Далеко, далеко, там где небо с землей встречается, где звезды целуются с цветами, где всегда светит мягкий красноватый свет, какой бывает иногда в небе по весне рано утром, только еще краше, стоит дворец Феи Утренней Зари. Петру понадобилось два дня, чтобы через поросшие сочной травой поля и очаровательные цветущие луга добраться до ее дома. В том королевстве не было ни жарко, ни холодно, ни темно, ни светло, а в самый раз, и Петру с огромным удовольствием ехал шагом по этому благодатному краю, и путь не показался ему долгим.

Долго ли, коротко ли, но увидел Петру, что на фоне розового неба что-то белеет, и когда он приблизился, то увидел, что это и есть замок Феи - такой роскошный и красивый, что больно было смотреть. Петру никогда и не думал, что в мире может быть такой красивый замок. Но, не желая терять времени, он отвернулся от замка, спешился, заиграл на дудочке и пошел в сторону замка.

Едва он прошел несколько шагов, как увидел могучего гиганта, что сладко спал на поляне, убаюканный его музыкой - это был один из охранников замка. Он лежал на спине, и показался Петру ужасно огромным. Чем дальше шел Петру, тем страшнее становились стражи, стерегущие дворец Феи Утренней Зари: львы, тигры, драконы с семью головами, великаны, химеры... Петру шел между ними легко, как ветерок.

Вот он дошел до реки... но не думаете же вы, что это была обычная река? Нет, вместо воды там текло молоко, а вместо песка и гальки было золото, жемчуга и драгоценные камни. Река текла вокруг замка, а возле нее дремали львы с железными зубами и когтями. А внутри, за рекой, цвели пышные сады, каких никто никогда не видел, и сама Фея дремала между этих цветов, и Петру отлично видел ее.

Но как же ему перебраться? Мост был, но такой странный, что Петру и не знал, выдержит ли он человека. Он был сделан из маленьких, мягких, неясных облачков. Так Петру стоял и думал, как бы ему перебраться и набрать воды. Через некоторое время он решил рискнуть, и вернулся к тому месту, где оставил страшного великана. "Пробудись, о храбрец!" кричал он и пинал его, чтобы разбудить, но когда великан просыпался и пытался прихлопнуть Петру, как муху, Петру начинал играть на дудочке, и великан снова засыпал. Сделав так несколько раз, чтобы убедиться, что

великан в его власти, Петру связал ему мизинцы своим плащом, уволок подальше его меч, и снова крикнул: "Просыпайся, храбрец!"

Когда великан увидел, что при нем нет меча, а мизинцы крепко связаны, он спросил у Петру: "Ты что, силен только колдовством драться? Сражайся по правилам, если ты и впрямь герой"

"Обязательно сразимся, и по правилам, но сначала я хочу задать тебе вопрос: поклянешься ли ты перенести меня через реку, если я честно сражусь с тобой?"

И великан поклялся в этом.

Как только Петру развязал великана, тот сразу бросился на него, чтобы раздавить. Но тот принял бой. Это была уже не первая его битва, и Петру вел себя смело. Три дня и три ночи бились они с великаном, и то великан побеждал, то Петру, пока в конечном итоге Петру не приставил меч к горлу великана.

"Отпусти меня, отпусти!", закричал великан. "Я признаю, что ты победил!"

"Ты перенесешь меня через реку?"

"Перенесу", вздохнул великан.

"Что мне сделать с тобой, если ты нарушишь свое слово?"

"Убей меня так, как захочешь. Но сейчас дай мне жить!"

"Хорошо", сказал Петру, и связал левую руку гиганта с его правой ногой, заткнул ему рот, чтобы великан не закричал и не перебудил всех, и завязал глаза, а потом повел его к реке. Как только они достигли берега реки, великан поставил ногу на другой берег реки, и, взяв Петру на ладонь, перенес его на другой берег.

"Отлично", сказал Петру, и сыграл на дудочке, так что гигант снова заснул. Даже феи, которые купались в реке много ниже по течению, тоже заснули среди цветов на берегу. Петру видел их, и думал: если даже эти существа настолько прекрасны, отчего же Фея Утренней Зари должна оказаться уродиной? Но он не решился задерживаться и поспешил на поиски источника. Он шел через восхитительные сады и парки, но Петру не увидел ни чудесных птиц, ни восхитительных цветов, потому что очень торопился в замок. Ни единой живой души не встретил он по дороге, все спали, и даже деревья не шевелили ни одним своим листиком.

Он прошел через замковый двор, и вошел в сам замок.

Что он увидел там - даже в сказке не опишешь; все знают, что дворец Феи Утренней Зари - очень необычное место. Золото и драгоценные камни там были так же привычны, как у нас привычны камень и дерево. Конюшни, в которых стояли солнечные кони Феи, были роскошнее, чем родной замок Петру. Петру поднялся по лестнице, прошел через сорок восемь комнат, завешанных коврами, гобеленами и богатыми тканями, но все они были пустыми. В сорок девятой комнате он увидел саму Фею Утренней Зари. В середине этой комнаты, которая была размером с церковь, Петру увидел тот самый источник, что он так долго искал. Выглядел он как самый обыкновенный колодец, и казалось странным, что Фея живет в той же комнате, где бьет источник, но кто угодно

может сказать, что именно тут она и жила много и много сотен лет. Она спала прямо возле источника - сама Фея Утренней Зари!

И когда Петру взглянул на нее, у него перехватило дыхание, и волшебная дудочка выпала у него из рук.

Возле колодца стоял столик, на котором лежал хлеб, испеченный на женском молоке, и фляжка вина. Это был хлеб силы и вино юности, и Петру хотел этого хлеба и этого вина. Он взглянул на столик, на источник, а потом - на Фею, что все еще тихонько спала возле колодца на шелковых подушках.

Он неотрывно глядел на нее, и нахлынувшие чувства туманили его разум. Фея медленно открыла глаза и уставилась на Петру, но тот нашарил волшебную дудочку и сыграл несколько нот, и она снова заснула. Тогда он трижды поцеловал ее и надел ей на голову золотой венок. После этого он съел кусок хлеба и выпил чашу вина, и повторил это трижды. Только после этого набрал он полную фляжку воды из волшебного источника, и стремительно выбежал из замка.

Когда он возвращался через сад, ему показалось, что он разительно изменился. Цветы стали восхитительно прекрасны, ручьи бежали быстрее, солнечные лучи блестели ярче, а феи стали еще прелестнее, чем раньше, и все это - из-за тех трех поцелуев, что подарил Петру Фее Утренней Зари.

Он благополучно вышел из сада Феи, сел верхом, и полетел быстрее, чем ветер, быстрее, чем мысль, быстрее, чем ненависть, и быстрее, чем тоска. Так он добрался до дома Пятнички, и, оставив коней, поспешил к ее воротам.

Пятничка знала, что он придет, и сама вышла встретить его, и вынесла ему вина и белого хлеба.

"С возвращением, принц", сказала она.

"Доброго дня, и прими мои благодарности", ответил Петру и протянул ей фляжку с волшебной водой. Она радостно приняла ее, и после короткого отдыха, Петру устремился дальше, потому что не хотел ни терять времени, ни проиграть своим братьям.

Он на несколько минут задержался у Громини, как и обещал, но только он собрался распрощаться, как он остановила его:

"Я хочу предостеречь тебя, выслушай, что я тебе скажу: Берегись в своей жизни следующих вещей: не называй нелюдя другом, не ездь верхом слишком быстро, не позволяй воде течь сквозь пальцы, никому не верь, и избегай лстивых языков. Иди, и не забывай, что я тебе сказала, потому что дорога длинна, мир жесток, а ты - поражен в самое сердце. Но я дам тебе волшебный плащ: тот, кто носит его, не может быть ранен или убит ни молнией, ни копьем, ни мечом, ни стрелой".

Петру поблагодарил ее и тронулся в дорогу, и, вытащив свою коробочку, спросил о том, что происходит дома.

"Ничего хорошего. Отец твой ослеп на оба глаза, и Флориан с Костаном умоляют его отдать им власть. Но император не хочет, потому что верит, что ты принесешь ему воду из волшебного источника. Тогда братья пошли к няньке Брише, и она сказала им, что ты, хозяин, почти уже

добрался до дому, и вода с тобой. Так братья твои хотят поехать тебе навстречу и воду отобрать, а потом принести ее отцу и потребовать в обмен на нее власть в империи..."

"Ты лжешь!", крикнул Петру, и бросил коробочку на землю, да так, что она разлетелась на тысячу кусочков.

Вскоре после этого Петру уже начал узнавать родные места, и когда добрался до моста, он натянул поводья, чтобы поглядеть на родную землю. Он еще стоял у моста, когда он услышал, что кто-то неподалеку будто тихонько зовет его по имени.

"Петру, Петру, ты ли это?" говорил голос.

"Поедем, поедem", твердили ему кони. "Будет беда, если ты остановишься"

"Нет, давайте задержимся и поглядим, кто это меня зовет", и развернув коня, оказался лицом к лицу с двумя своими братьями. Он забыл предостережение, которое дала ему Громиня, и когда Костан и Флориан подошли к нему со лстивыми речами, он пришпорил коня, и стремительно поскакал, чтобы обнять их. Он хотел задать тысячу вопросов и рассказать о тысяче разных вещей... но его гнедой конь стоял, печально повесив голову.

"Петру, дорогой мой брат!", сказал Флориан, "Не будет ли лучше, если мы повезем воду, которую ты добыл? Ведь кто-нибудь может попытаться отобрать ее, а мы всегда были сильнее тебя, мы сможем ее защитить".

"Конечно", добавил Костан. "Флориан все правильно говорит".

Но Петру только головой покачал, и рассказал братьям о пророчестве Громини и о волшебном плаще, в котором ему ничего не грозит. Тогда братья поняли, что им придется убить Петру.

Неподалеку от того места, где они стояли, бежал прозрачный ручей.

"Очень жарко сегодня. Ты не хочешь пить, Костан?", спросил Флориан.

"Да, действительно, очень пить хочется... Петру, не принесешь ли ты нам воды? А потом сразу отправимся домой. Хорошо, что ты едешь с нами в твоем плаще, сможешь защитить нас от любой напасти"

Лошади Петру заржали, но и сам он уже понял, что это все означает.

И он не поехал с братьями, а двинулся сразу к дому, где вылечил слепоту отца.

А что до его братьев, то они никогда больше не показывались дома.